

«Помещик. Отца убили...»*

С января 1868 года журнал «Русский вестник» начал печатать новый роман Ф. М. Достоевского «Идиот», создававшийся за границей. Завершена первая часть, но целого еще нет. И в рабочих тетрадях, куда заносятся творческие материалы к тексту романа, в немногословных набросках фиксируются замыслы будущих произведений.

Один из набросков датируется маем — июнем 1868 года и условно называется «Романом о помещике». Наиболее ранняя запись, связанная с замыслом, обнаружена еще среди подготовительных материалов к роману «Идиот»: «Купил поле... — Голодный год. — Что ж делать? О состоянии». При всем лаконизме фрагмент расширяет значение более поздних записей: «Помещик. Отца убили. Спорное поле. С помещиком. Куплено с уступкой... Образование детей...» Уже определены герои: помещик, отец, его дети. Замысел, как увидим, биографичен, он поднимается из глубины воспоминаний. Можно так прочитать эти два текста: отец — образование детей; купили поле, но оно спорное; голодный год — что же делать? Отца убили!

Так возникает новая, генеральная для трех последних романов Достоевского тема «отцы и дети»: об облике нового поколения и о жестокой ответственности отцов за нравственный мир сыновей.

---

* Новый мир. № 10. 1988.

Через год слова «Детство, дети и отцы...» откроют записи к неосуществленной поэме «Житие великого грешника» — замысел ее непосредственно связан с «Бесами», «Подростком», «Братьями Карамазовыми».

Подготовительные материалы к «Житию...» хранят множество автобиографических деталей поры московского детства и отрочества писателя. Это изначальный этап творческого процесса, когда истоки помечены именами людей, чью жизнь Достоевский знал во многих подробностях. Имя главы «случайного семейства», из которого вышел герой — «волчонок и нигилист-ребенок» Альфонский, — это имя сослуживца отца Достоевского, близкого знакомого семьи, человека дурного. Сам образ «случайного семейства» также отмечен многими реалиями семьи Альфонских: Аркашка и Катя — это имена детей Альфонского от первого брака, а фамилию Брутилов (Н. Брусилов) носил товарищ Аркадия по пансиону, М. Павлов.

Мы помним признание Достоевского: «Во все мои четыре года каторги я вспоминал непрерывно все мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда не приметной, и потом мало-помалу вырастало в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление. Я анализировал эти впечатления...»

Во второй половине 1870 года, в преддверии «Братьев Карамазовых», когда Достоевский в «Дневнике писателя» говорил о «современных отцах», о «случайном семействе», о проблеме отцов и детей, он оглядывался на «нравственный фонд» семьи своего отца М. А. Достоевского, иногда вводя небольшие фрагменты воспоминаний. Но еще живя за границей и задумываясь над грандиозной эпопеей, он опирался на жизненную историю своей семьи, вспоминал об отце, о событиях 1839 года, после которых семья Достоевских распалась, и о сиротской судьбе своих сестер и младших братьев. И в творческих записях этого времени вспыхивала мучительная для него тема, «точка, черта» которой — 1839 год. Голодный год, в контексте сказанного, все же не 1867, 1868 (годы голодные, как считается), а 1839-й — год ско-

ропостижной смерти отца; фраза «о состоянии» заставляет вспомнить слова последнего письма М. А. Достоевского Федору: «...за нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния» (27 мая 1839 года).

«Отец»

Мы не имеем документального рассказа о жизни этого человека. В. С. Нечаева и Л. П. Гроссман опубликовали ряд документов, проливающих свет на отдельные моменты его биографии. Эти материалы использованы в нашей работе. Однако многие документы, относящиеся главным образом к смерти М. А. Достоевского, до сих пор не были известны. В результате в биографиях писателя извращенный образ нередко подменял подлинное лицо: в нем охотно видели прототип отца Карамзовых. Якобы насильственная кончина М. А. Достоевского легла тенью на всю его жизнь.

Михаил Андреевич Достоевский, его судьба интересуют нас не только как один из частных вопросов биографии Ф. М. Достоевского. Кто усомнится в том, что первые пятнадцать лет жизни, проведенные в доме отца, отозвались в созданных им впоследствии образах, глубоко определили личность будущего писателя?

Один из его петербургских знакомцев — встретился он с писателем в год появления «Бедных людей», — нескромно считавший, что сошелся с Достоевским «на дружескую ногу», утверждал: «...об отце он решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать». Благоговейно о матери, о сестрах и брате Михаиле Михайловиче, а об отце «решительно не любил».

Была рана. Известие о скоропостижной смерти отца вызвало нервное потрясение. Вскоре брат привезет переписку родителей, и письма отца окажут значительное влияние на письма бедного человека Деушкина, на речи и высказывания Голядкина в «Двойнике».

Михайло Андреев сын Достоевский в графе своего послужного списка «Из какого звания происходит» писал: «Из духовного», а в графе «Когда в службу вступил» — «Из подольской семина-

рии»... Из чего следует, что он, сын священника Подольской губернии, потомок обедневшего дворянского рода, родился не в России, а в глубокой юго-восточной провинции Речи Посполитой, где католическая церковь стремилась оборвать национальные корни, пресечь связи коренных жителей, считавших и называвших себя русскими, с Россией. М. А. Достоевский родился в 1789 году, когда край был охвачен гонениями против не католического населения, продолжавшимися до второго раздела Польши. Но линия рода Достоевских, к которой принадлежал Михаил Андреевич, свято сохранила все русское: как стойко защищенное наследство достались Ф. М. Достоевскому вера и язык.

Основанная в 1798 году семинария, куда был отдан Михаил Достоевский, утверждалась на границе с католическим миром как твердыня, противостоящая католическому влиянию и иезуитской пропаганде в крае. Церковнославянский язык в программу не входил, изучались русский и латинский, русская риторика по М. Ломоносову, с чтением по правилам риторическим и логическим; на русском же велась и естественная история. К третьему классу воспитанники должны были разговаривать между собой на латинском. Семинаристы обучались французскому, немецкому, греческому и польскому языкам. Подробно, до Канта включительно, изучалась история философии, а также логика, метафизика, моральная философия, общая история, математика, физика (с подробным изложением учения Коперника), география.

Семинаристы не только писали проповеди и произносили их публично — обязательным было участие их в диспутах.

Такой была первая школа отца Ф. М. Достоевского.

«Семинария на первых порах своей деятельности стала создавать новое русское общество просвещенных людей...»¹. Ф. М. Достоевский скажет в «Дневнике писателя»: «Явился прилив новых сил снизу общества, по нашей терминологии демократических уже сил, — и особенно из семинаристов. Прилив

---

¹ «Столетний юбилей Подольской духовной семинарии. 1796—1898 гг.». Каменец-Подольск, 1899. С. 80.

этот привнес много живительного и плодотворного в отдел лучших людей, ибо явились люди со способностями и с новыми воззрениями, с образованием, еще неслыханным по тогдашнему времени».

Впитав эту «еще неслыханную» культуру, Михайло Достоевский, не посчитавшись с желанием отца, отказывается от поставления в священники и уходит в Москву учиться медицине.

Россия испытывает острую нужду в военных врачах. В связи с угрозой новой войны с Наполеоном, после Аустерлица и Фридланда, в 1808 году открывается Московское отделение Медико-хирургической академии.

14 октября 1809 года М. А. Достоевский поступает в академию, лишенный материальной поддержки отца, на казенный кошт. Годы учебы в академии — жизнь впроголодь, нет средств, чтобы рублище сменить на достойный костюм. Учился он у незаурядных специалистов, по справедливости названных «миссионерами науки», чьими подвижническими трудами утверждалась самобытность русской врачебной школы. Первым среди них необходимо назвать Е. О. Мухина (1766—1850), профессора анатомии и физиологии, известного ученого, учителя И. Е. Дядьковского, Н. И. Пирогова.

В послужной список М. А. Достоевского будет вписано: «По надобности во врачах, во время последней против французов войны командирован г-м Вице-Президентом Академии в Московскую Головинскую госпиталь для пользования больных и раненых. 1812. Августа 15». И дальше: «Потом в Касимовский военно-временной госпиталь, откуда получил похвальный аттестат. 1812. Сент. 1».

После Бородинского сражения Москва переполнена ранеными. Устройство Главного военного госпиталя поручено Х. И. Лодеру. Уроженец Риги, воспитанник Гёттингена, один из деятельнейших членов Йенского и Гальского университетов, выдающийся анатом, ставший впоследствии почетным членом Московского университета, Лодер (1753—1832), друг Шеллинга, наставник Гуфеланда, А. Гумбольдта, Шиллера, обучал анатомии Гёте и до старости сохранил с ним дружеские отношения, изредка, как и с Шеллингом, переписываясь. «Один из... плеяды

сильных и свободных мыслителей... — скажет о Лодере Герцен. — Для этих людей наука была еще религией, пропагандой, войной...»

В госпиталь к Лодеру командировается студент четвертого класса М. Достоевский, там он встретился с Дядьковским. В «корпусе Лодера», в небольшой группе медицинского персонала, М. А. Достоевский участвует в поразительной по своему героизму эвакуации более 20 тысяч раненых из Москвы, начатой в день вступления в город наполеоновских войск, а также и в организации лазарета в Касимове, где четыре месяца трудился под руководством Лодера и его сподвижников. Похвальный аттестат — первая награда М. Достоевского — выдан ему Х. И. Лодером.

После Касимова студент Достоевский направлен в Верейский уезд для прекращения тифа и три месяца состоит ассистентом Дядьковского. И. Д. Якушкин (будущий декабрист) в письме от 27 января 1813 года писал о Дядьковском: «С подчиненными он ровен; трудится он в сутки по 16—18 часов, еще перед сном находя время для поучительных бесед. Человек начитанный, много знающий, мы с ним сходимся во многом. Его разговоры и суждения о Бабефе и Гельвеции меня весьма поразили»².

Второй свой «похвальный аттестат» М. А. Достоевский, как и И. Е. Дядьковский, получил за Верею.

После войны М. А. Достоевский окончил академию, некоторое время служил в гарнизонном полку, разбиравшем развалины Москвы, а затем в Московском военном госпитале, где начальствовал Х. И. Лодер. В последний год военной службы он женился на двадцатилетней Марии Федоровне Нечаевой, младшей дочери московского купца третьей гильдии, разорившегося

---

² Барановская М. Ю. Материалы к биографии И. Е. Дядьковского // *Дядьковский И. Е. Сочинения*. М., 1954. С. 54 (год письма — 1812 — указан ошибочно). И. Е. Дядьковский вернулся в академию, защитил диссертацию, руководил одной из ее кафедр, являлся предшественником «великих основоположников нервизма» И. М. Сеченова, С. П. Боткина, И. П. Павлова. Увидеть роль Мухина, Лодера, Дядьковского в судьбе М. А. Достоевского помог его послужной список.

в войну двенадцатого года. В тринадцать лет она потеряла мать, через год в дом пришла мачеха. Старшая сестра Александра вышла замуж за сына коммерции советника, московского перво-статейного купца А. А. Куманина. Мачеха супруги М. А. Достоевского сыграет недобрую роль в его непростых отношениях с родней жены, но главное, что воистину обессмертило ее, — О. Я. Нечаева станет, как известно, соавтором легенды об убийстве М. А. Достоевского крепостными и утвердит ее в сознании его детей, а затем и биографов его великого сына. В 1820 году у Достоевских родился первенец Михаил.

И вот Михаил Андреевич с лихвой отслужил свое казенное содержание в академии, военная служба оставлена, начинается «статский» период.

Среди благотворительных учреждений, подведомственных вдовствующей императрице (матери императоров Александра и Николая), были заведены в обеих столицах две больницы для бедных «свободного содержания».

Тридцатидвухлетний штабс-лекарь М. А. Достоевский определен в Московскую больницу для бедных. Почти вся служба М. А. Достоевского в больнице пройдет на глазах сына Федора. Что же можно сказать о наиболее длительном периоде службы М. А. Достоевского?

Вюртембергская принцесса София-Доротея-Августа-Луиза, нареченная при принятии православия Марией Федоровной, для службы в своих благотворительных заведениях предпочитала соотечественников. Любимый лейб-медик императрицы, инспектировавший ее благотворительные заведения, заверял: «Никогда не будет не только старшим врачом, но и ординатором ни один русский врач». Заверение входило в соответствие со словами императора Николая: «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам». В годы службы Достоевского большая часть персонала больницы, от аптекаря до главного доктора, — немцы. Ссылаясь на «собственные впечатления», Ф. М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» отметил, что больницы были чужды народу прежде всего из-за их «немецких порядков». К этому времени относится одна весьма заурядная история. Испрашивалась ничтожная прибавка к нищенскому окладу ветерана

Московская Мариинская больница

двенадцатого года, штабс-лекаря, надворного советника. Императрица не соблаговолила: «Есть ли подать один такой пример, оный возбудит немедленно множество подобных претензий»; она посчитала: «Несправедливо дать в одном заведении выгоду чиновнику, который в другом не имеет». Оскорбленный отказом, старый врач подал в отставку. На его место (24 марта 1821 года) определен штабс-лекарь М. А. Достоевский. Отныне он лекарь для приходящих больных женского пола.

Когда после смерти императрицы в 1828 году волею ее венценосного сына больница получила имя Мариинская, будет официально признано: «Оклады служащих не вознаграждают достаточно трудов их и не соответствуют необходимым надобностям каждого в содержании себя и своего семейства»³.

М. А. Достоевский начал с оклада в 600 рублей в год (столько же получал он в конце службы в госпитале). При беспорочной службе каждое пятилетие прибавлялась одна пятая первоначального оклада: через четверть века жалованье удваивалось. С

³ ЦГИА Москвы. Ф. 127. Оп. 3. Ед. хр. 23. Л. 22—24.

1826 — 720 рублей, с 1831, в семье уже шестеро детей, — 840 рублей и с 1836 года — 1080 рублей. В его послужном списке есть запись: «Неоднократно удостоивался Всемиловейшего денежного вознаграждения». Но суммы настолько незначительны, что не проставлены, как это было принято. Прибавка 1833 года прошла мимо. Отец семерых детей получал 840 рублей годовых. Не только чтобы содержать семью, но и для обучения четырех старших детей в лучших частных пансионах необходимо прирабатывать на визитах «многочисленным городским пациентам». Нужны нечеловеческие усилия, чтобы при изнурительном труде в больнице, ведя тяжелый амбулаторный прием (количество проходящих больных из года в год возрастало), еще ездить в далекие центральные кварталы. Хотя он и принят как известный врач в семьях именитых московских негоциантов, гонорары не постоянны. «Такая нужда, какой еще никогда не бывало», — признался он и в конце жизни скажет: «...бедность моя нисколько меня не тревожит, я с нею свыкся, как с воздухом, коим дышу».

Потомственное дворянство, полученное благодаря обычным в этом случае наградам и за выслугу узаконенных лет, дало возможность приобрести имение, но, по сути, служебная карьера М. А. Достоевского не сложилась: в течение шестнадцати лет всей своей службы он оставался младшим ординатором, «...служака-чиновник, который вполне отвечал требованиям казенной дисциплины и, конечно, официальной идеологии своего времени... М. А. Достоевский, как мы видим, благополучно шествовал от одной награды к другой, и это в пору всеобщего полицейского террора и слежки III отделения»⁴. Выводы эти В. С. Нечаевой несомненно служат примером крайне тенденциозного освещения судьбы отца Достоевского: без всяких на то оснований исследовательница именует добросовестного врача «служакой-чиновником» и исподволь делает его как бы причастным к упоминаемому террору и слежке.

Не менее тенденциозен и Л. П. Гроссман: «Характер отца и созданная им невыносимая атмосфера в доме глубоко омрачили детство и отрочество Достоевского»⁵.

⁴ Нечаева В. С. Ранний Достоевский: 1821—1849. М., 1979. С. 21.

⁵ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1965. С. 9.

Через три года после женитьбы лекарь больницы бедных заказал свояку-художнику портреты — свой и супруги. В этом нет тщеславия: скромные, выполненные пастелью, память о молодых супругах Достоевских детям, внукам. И вот предубежденный взгляд биографа на портрет М. А. Достоевского спустя столетие: «Довольно правильное холодное лицо с тонкими сжатыми губами и строгим взглядом под мефистофельски очерченными бровями. Высокий, шитый золотом воротник гражданского мундира, крепко застегнутый и плотно облегающий шею, завершает впечатление холодной и недружелюбной замкнутости» [Гроссман 1965: 9].

В бытующем «каноническом» образе Михаила Андреевича исключительную роль играют его письма жене — Марии Федоровне. Супруги переписывались, когда по весне начиная с 1832 года М. Ф. Достоевская уезжала в сельцо Даровое, приобретенное в 1831 году. Наиболее полно (хотя и с несколькими очень важными пробелами) дошла до нас их переписка 1835 года — двенадцать писем его и восемь ее. Эпистолярный цикл этих месяцев, как и письма 1837—1839 годов сыновьям (и одно дочери), дают возможность рассмотреть подлинное лицо М. А. Достоевского⁶.

В 1835 году супруга уехала рано, в апреле, на шестом месяце беременности. Он один с прислугой; Михаил, Федор, Варвара и Андрей учатся в пансионах, скоро экзамены, отца навещают только по праздникам.

В первом же его письме (29 апреля) — беспокойство о ее беременности, о ее кашле (не пройдет и двух лет, и чахотка унесет ее), о себе же только: «...вот горе, что нет с кем слова сказать, но что делать, потерплю». Они скоро встретятся в Даровом: у детей каникулы, у него недолгий отпуск. И еще: «У нас только и нового, что всякую минуту ожидают государя с государынею» [Нечаева, 86].

Через две недели (16 мая): «Здорова ли ты, голубушка моя, мне сей недели очень грустно, не знаю куда деваться» [Нечаева, 94].

---

⁶ Переписка М. А. и М. Ф. Достоевских дается по книге В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских» (М., 1939).

23-го Михаил Андреевич, сообщая, как он делает это постоянно, о своем и сыновей здоровье, пишет: «Сегодня Семик (праздник, по древней московской традиции справлявшийся в соседней Марьиной роще и посещавшийся ежегодно Достоевским. — Г. Ф.), но я в роще на гулянье не был, тоска смертельная, нигде места не сыщу, наяву и во сне бог знает что в голову лезет...» И дальше: «Новостей у нас нет никаких, император уехал. Он у нас был чрезвычайно доволен, императрица также, Рихтеру (главный доктор, которого в следующем году будет замещать некоторое время младший ординатор М. А. Достоевский. — Г. Ф.) 2-й степени Станислава со звездой, а нам разумеется ничего, оттого я тебе и не писал ничего, в прочем это так всегда водилось и будет водиться, овцы пасутся, а пастух доит молоко, стрижет шерсть и получает барыш». И заключает письмо: «Береги свое здоровье и ежели хотя немного погода позволит, то гуляй побольше, работы все брось» [Нечаева, 97, 98].

Возвращаться в Москву родить Мария Федоровна не собирается; ей и хотелось бы: «...отпуск ежели бы можно было тебе просить по крайности на месяц» [Нечаева, 99].

Мужа не оставляет тревога за нее, и он пишет (26 мая): «Теперь поговорим о важнейшем: экзамен детям назначен по прошлогоднему в конце июня... разочти и то, что мой отпуск не может быть долее как на 20 дней, то прошу тебя сообрази все сие с своим положением, размысли хорошенько, что ежели бы ты и при мне родила, положим, что все это случится и благополучно, то может случиться и после родов болезнь, а я, по причине короткого отпуска не могши долее оставаться, должен буду уехать и оставить тебя больную, посуди каково бы тогда было тебе и мне. То рассуди хорошенько и дай мне свое мнение, а я так расстроен духом, что более писать не в состоянии. Прощай, дражайшая надежда жизни моей, не забывай меня в растерзанном моем положении души моей, какого я еще с начала жизни моей не испытал» [Нечаева, 101].

Подходит срок родам, он надеется, что она все же заблаговременно вернется в Москву и не решится родить в Даровом, ведь это будут первые роды без него, супруга и врача. Приехать она пообещала и не осталась равнодушной к его состоянию

(29 мая): «У меня сердце замирает когда вообразу тебя в таком грустном расположении... Друг мой, умоляю тебя, отбрось все печальные думы... Надеюсь, что мы скоро увидимся и тоска обратится в радость» [Нечаева, 103]. В своем же следующем письме-ответе (31 мая) на его письмо от 26 мая она признается: «Последнее письмо твое сразило меня совершенно; пишешь, что ты расстроен, растерзан душою так, что в жизни своей никогда не испытал такого терзания, а что так крушит тебя ничего не пишешь». И дальше, не понимая истинной причины его состояния, она пишет те самые знаменитые строки, которые принято считать за ярчайший документ жестокого семейного разлада: «В прошедшем письме твоем ты упрекнул меня изжогою, говоря, что в прежних беременностях я ее никогда не имела. Друг мой, соображая все сие, думаю, не терзают ли тебя те же губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе, и ежели я не ошибаюсь, то клянусь тебе, друг мой, самим богом, небом и землею, детьми моими и всем моим счастьем и жизнью моею, что никогда не была и не буду преступницей сердечной клятвы моей, данной тебе, другу милому, единственному моему пред святым алтарем в день нашего брака. Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой крепчайший узел взаимной любви нашей, со стороны моей любви чистой, священной, непорочной и страстной, неизменяемой от самого брака нашего; довольно ли сей клятвы для тебя, которой я никогда еще не повторяла тебе, во-первых потому, что стыдилась себя унижить клятвою в верности моей на шестнадцатом году нашего союза... Прощай, друг мой, не могу писать более и не соберу мыслей в голове моей; прости меня, друг мой, что не скрыла от тебя терзания души моей, не грусти, друг мой, побереги себя для любви моей» [Нечаева, 105—107].

Всегда отвечая сразу же, он на этот раз не только откликнулся мгновенно, но и нашел способ переслать письмо молниеносно (с нарочным?). Хотя письмо утрачено, сохранился ответ (8—10 июня): «Прости меня, дражайший, милый друг мой, что я моею грустию наделала тебе столько горя... Не жалуйся, друг мой, чтоб я горячо приняла сие вдруг, судя односторонне... Еще ты

пеняешь мне, что я неосторожно все доверила бумаге, что лежало на сердце» [Нечаева, 109].

Эти строки биографы оставляли без внимания, хотя в них проступает для нас главное из его утраченного письма: она, не разобравшись, «приняла сие вдруг, судя односторонне», «причинив ему столько горя». Из письма выписывалось другое: «...любви моей не видят не понимают чувств моих». Строки двух писем (от 31 мая и 8—10 июня) Марии Федоровны приводятся как красноречивое подтверждение ее якобы жестокой судьбы, как доказательство бесчеловечности мужа.

Слова М. Ф. Достоевской: «...думаю, не терзают ли тебя те же губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе» — связываются биографами с фрагментами «Воспоминаний» А. М. Достоевского. Десятилетним мальчиком стал он невольным свидетелем семейной сцены, — поведавши о ней через шестьдесят лет:

«Раз вечером, в зале, родители ходили вместе и о чем-то серьезно разговаривали. Маменька что-то сообщила отцу, и он сделался, видимо, очень удивлен и опечален. Потом маменька разразилась сильным истерическим плачем и папеньке едва-едва удалось ее успокоить. Эта картина при вечерней обстановке, в полумрачной зале, оставила сильное во мне впечатление. И я недоумевал, почему после спокойных разговоров родителей произошла беспричинно такая сцена.

Потом, со временем, когда я сделался взрослым и вспоминал эту сцену, то, сопоставив последующие обстоятельства, разгадал причину... Дело, вероятно, было так: родители разговаривали и делали предположения на будущее лето о поездке в деревню, причем, вероятно, маменька заметила, что нельзя наверно рассчитывать, а сообщила папеньке, что она подозревает, что ее постигла вновь беременность. Услышав это, папенька, вероятно, неосторожно высказал свое неудовольствие, что и вызвало со стороны маменьки истерический плач. Эта моя разгадка подтверждается тем фактом, что действительно в лето 1835 года родилась моя сестра Саша». «Десятилетний наблюдатель» не мог, разумеется, сообщить нам об упреках в неверности. Можно усомниться, что они вообще были. Вероятно (используя эту

постоянную оговорку мемуариста), «неосторожно высказанное неудовольствие» при неожиданном известии — это острое проявление постоянной тревоги за судьбу разрастающегося семейства. «Неудовольствие» же могло породить не только обиду, но и ни на чем не основанное утверждение, что супруг подозревает ее. Был ли Михаил Андреевич ревнивцем? Строки из письма Марии Федоровны намекают на это, но судить об этом мы можем лишь с большой осторожностью и деликатностью.

Между тем приведенные письма раскрывают жестокую социальную драму М. А. Достоевского. Майские дни 1835 года дают ее обострение, вызванное визитом коронованного шефа⁷.

Человек, обремененный заботой о большой семье, долгами по имению, М. А. Достоевский долго молчал и не писал о посещении царем больницы. Отец, ожидавший седьмого ребенка, несомненно, надеялся: его труд будет отмечен — он сможет порадовать знаком «патриархального попечительства» жену в последние месяцы ее беременности. Но пришлось написать: «...а нам, разумеется, ничего».

М. Ф. Достоевская еще до своего отъезда в деревню не могла не знать об ожидаемом прибытии императора в Москву. Об этом сообщалось, например, в «Московских ведомостях», в больнице готовились к вероятному посещению, щедрость монарха, весьма возможно, отразится на служебном положении супруга. В 1826 году, в коронацию, он не был отмечен: прослужил всего пять лет. Теперь же — четырнадцать, и есть, как казалось ей,

---

⁷ Последний раз император посетил больницу вместе с матушкой-императрицей в коронацию 1826 года. В год смерти императрицы-патронессы (1828) сын принял шефство над всеми ее благотворительными учреждениями. В 1835 году он пробыл в Москве с августейшим семейством почти месяц. «Происходило как бы примирение царя с древнею столицею, — пишет историк, — в которой продолжала жить память о расплате за 1825 г. Восторжествовавший порядок облакался в реставрацию царской власти на исторических началах. И эта реставрированная власть не упускала случая проявить свое патриархальное попечительство (разрядка моя. — Г. Ф.) в новых сферах современной общественности» (Полиевктов М. Николай I. М., 1918. С. 180—190).

непременная надежда. Не сразу она поняла, что майское событие обозначило катастрофичность положения их семьи. В одном из писем мужа (2 июня), написанном неделю спустя по отъезде порфироносных гостей, он признавался: «Не беспокойся милая моя обо мне, я теперь покойнее, правда и не скрываю от тебя, что иногда бывают такие минуты, что иногда прогневаю творца моего ропща за дарованные мне краткие дни в удел моей жизни, но не думай ничего, это пройдет...» [Нечаева, 107].

1 января 1840 года Ф. М. Достоевский напишет брату Михаилу: «Что хочешь, а последние 5 лет для нашего семейства были ужасны». Отсчет ведется от 1835 года, с него для Федора начинается «ужасная» пора их семьи. Матери не станет 27 февраля 1837 года, вскоре — отставка по болезни сломленного утратой отца, разорение семьи, скоропостижная смерть Михаила Андреевича, сиротство сестер и братьев.

Почему же не от 1837 года, а от 1835-го?

В то лето Достоевскими проигран судебный процесс по имени (о чем уже было сказано). Не в этом ли начало «ужасного» пятилетия?

В 1841 году для Ф. М. Достоевского раскроется семейный архив, привезенный из имения, и будут прочитаны интимные документы родителей — их письма. И если говорить о «выцветших листах старинной корреспонденции», то не строки матери⁸, а прежде всего письма отца войдут в творческое сознание сына столь глубоко, что, как уже отмечалось, отразятся и в стилистике писем, и в горемычной судьбе титулярного советника Макара Алексеевича Девушкина.

Вернемся, однако, к 1835 году в жизни семьи Достоевских. Сыновья, приехавшие с отцом в Даровое, видели, с какой (для нас несомненной) радостью встретились их родители. Через несколько дней родилась Александра.

Вернувшись в Москву, М. А. Достоевский вновь пишет супруге (19 августа): «Поверишь ли, друг мой, такая нужда, какой

---

⁸ Частично цитируя ее письма, Л. Гроссман отмечает: «Над выцветшими листами этой старинной корреспонденции становится понятным, почему один из сыновей Марии Федоровны стал знаменитым писателем».

еще никогда небывало. Взял вперед жалованья 20 р. асс. но и тех уже нет ибо отдал на дорогу 8 р. ибо дети истратили 19 р. 28 к. то суди что для лошадей корм надобен... Доходу до сих пор нет ни одной копейки. Более писать нечего и пожелав тебе всего лучшего от бога прибуду до гроба тебя нежно любящий друг твой» [Нечаева, 112].

Подобно Ф. А. Барашкову, отцу героини романа «Идиот», «при малейшей удаче он необыкновенно ободрялся». Но жизнь безжалостно ломала. Врач, он не мог не знать о близящемся роковом исходе болезни жены. Любящий супруг не мог не помыслить, что ее не будет с ним.

В середине 70-х годов, когда завершался «Подросток» и предстояла работа над «Братьями Карамазовыми», Ф. М. Достоевский при встрече с братом Андреем разговорился о прошлом, и брат упомянул об отце. Федор Михайлович «мгновенно воодушевился, — пишет А. М. Достоевский, — схватил меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда он говорил по душе) и горячо высказал... такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат!..»⁹

Для приобретения имения занимались значительные суммы, долги обременяли семью. На какие же средства при своем небольшом окладе отец обучал Михаила, Федора, Варвару и Андрея в лучших пансионах?

Детей определяли в старшие классы, предварительно подготовив дома. Для этого приглашались педагоги, но все же в значительной степени учителем Михаила и Федора был отец. Как домашний врач в семьях именитой родни со стороны жены, М. А. Достоевский не принимал от них гонорары (традиционный гратис). Но существовал уговор: заслуженное домашним врачом шло на оплату обучения его детей — Михаила и Федора, возможно, и Варвары. Когда подошло время отдать в пансион Андрея, М. А. Достоевский становится годовым врачом пансиона, расплачиваясь таким образом за обучение сына. Кстати, и занятия педагогов с детьми дома, вполне возможно, как было принято во врачебных семьях, отец оплачивал своим трудом.

---

⁹ Знаменательно: в книгах Гроссмана и Нечаевой мы этих слов Ф. М. Достоевского об отце не найдем.

Хотя среднему сыну Андрею не было отдано столько воспитательных сил, как старшим детям, и Андрей не знал отца учителем в той значительной степени, как Михаил и Федор (с Андреем занимались его старшие братья и сестры), тем не менее об «уроках отца» и его системе занятий с детьми мы узнаем из его «Воспоминаний».

Михаил Андреевич считал, что начинать учить детей надо рано, и был отцом строгим. Детей сажали за книжку с четырех лет и твердили: учись, учись. Затем дети читали вслух матери. Гуляя, «он всегда разговаривал с нами, детьми, о предметах, могущих развить нас, — сообщает мемуарист. — Так помню неоднократно наглядные толкования его о геометрических началах, об острых, прямых и тупых углах, кривых и ломаных линиях, что в московских кварталах случалось почти на каждом шагу».

Отец учил старших, Михаила и Федора, латинскому языку, без которого их не приняли бы в среднее учебное заведение. Зная в совершенстве язык, давший ему возможность поступить в академию и стать врачом, он в преподавании его «при всей своей доброте был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив... несмотря на вспыльчивость отца, в семействе нашем принято было обходиться с детьми очень гуманно... я не помню, чтобы когда-либо старших братьев ставили на колени или в угол».

«Гуманное отношение к нам, детям», не позволяло родителям поместить их в гимназию, «хотя это стоило бы гораздо дешевле... в них существовало обычное и заурядное, за всякую малейшую провинность, наказание телесное... были предпочтены частные пансионы».

М. А. Достоевский, изучавший в свое время поэтику, по словам внучки М. А. Ивановой, «способствовал литературному образованию своих старших детей». Восемнадцатилетний старший сын Михаил в письме отцу признается: «...с младенчества сердце мое стремилось к литературе... не вправе ли я думать, что эта дорога для меня открыта на словесном поприще!.. Разве голос, зазывавший меня к небу, не есть голос самого неба!.. Разве напрасно, еще с десяти лет моего возраста, он призвал меня писать

стихи, хотя бы без рифм и без стоп!»¹⁰. Выспренние строки юного романтика красноречиво говорят об атмосфере, в которой рос Федор Достоевский.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский
Из мемуаров

...В детские годы он имел прекрасную подготовку от своего научно образованного отца, московского военного медика. Ф. М. Достоевский знал французский и немецкий языки, достаточно для того, чтобы понимать до точности все прочитанное на этих языках. Отец обучал его даже латинскому языку. Вообще воспитание Ф. М. велось правильно и систематично до поступления его в шестнадцатилетнем возрасте в высшее учебное заведение — Инженерное училище, в котором он также систематически изучал с полным успехом, кроме общеобразовательных предметов, высшую математику, физику, механику и технические предметы, относящиеся до инженерного искусства.

...Он с детских лет читал и много раз перечитывал всех русских поэтов и беллетристов, а «Историю...» Карамзина знал почти наизусть.

По семейному обычаю по вечерам, когда отец бывал свободен, при двух сальных свечах читали вслух. Читались по преимуществу произведения исторические. Прежде всего отец читал детям «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Особенно часто — последние тома, о Годунове и Смутном времени.

Совсем не случайно вслед за карамзинской «Историей...» в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского упомянута биография Ломоносова, составленная Кс. Полевым, о которой В. Г. Белинский писал: «Мы особенно рекомендуем ее молодому поколению, из среды которого готовятся будущие деятели на ниве человеческой мысли: оно найдет для себя высокие уроки в этой книге... оно узнает из нее, что только в честной и бескорыстной деятельности заключается условие человеческого достоинства, что только в силе воли заключается условие наших успехов на избранном поприще...»¹¹.

¹⁰ Отдел рукописей ИРЛИ, фонд А. М. Достоевского. 56/382.

¹¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М. 1953. Т. II. С. 195.

В самом перечне книг, названных А. М. Достоевским, ощущается определенное пристрастие. Главенствовала русская литература, звучали прежде всего Державин, Карамзин, Жуковский, читались и новинки, за которыми Михаил Андреевич находил время следить. В семье прозвучал «преимущественно прозой» и навсегда вошел в жизнь Ф. М. Достоевского Пушкин. Перед будущим автором «Бедных людей» и «Преступления и наказания» Самсон Вырин и Германн явились впервые на чтениях в гостиной. Читались произведения В. Т. Нарезного, А. Ф. Вельмана, Д. Н. Бегичева, Казака Луганского (В. И. Даля), русские исторические романы И. И. Лажечникова, М. Н. Загоскина, К. П. Масальского.

В семье был культ В. А. Жуковского. «Жуковский и влияние с ним Шиллера — разве не сила?» — скажет Ф. М. Достоевский, отмечая необходимость для историков русской литературы и общественной мысли изучать влияние Шиллера, переведенного Жуковским.

Выписывается журнал «Библиотека для чтения», познакомивший Федора Достоевского со многими новинками литературы, произведениями Гюго, Жорж Занд, столь ценимыми Ф. М. Достоевским впоследствии, а также со «Стариком Горио», как назван в журнале великий роман О. де Бальзака. Неоднократно перечитывался Вальтер Скотт — у братьев Михаила и Федора были свои экземпляры.

Несомненно, ставились на семейных чтениях цели воспитательные, даже дидактические; они «часто прерывались рассуждениями родителей», живой обмен мнениями мог перейти в спор — из-за Пушкина, например, — и сыновья отстаивали свою точку зрения. Чтения дома, существовавшие, «кажется, постоянно в кругу родителей» (А. М. Достоевский), получили продолжение в пансионе в 1834 году, где была большая библиотека, и Михаил и Федор все свое свободное время постоянно читали.

Впоследствии старший сын Михаил, напишет отцу: «Папенька! Как мне благодарить Вас за то воспитание, которое Вы мне дали! Как сладко, как отрадно задуматься над Шекспиром, Шиллером, Гёте! Чем оценить эти мгновения». Дело, разумеется, не сводилось к названным великим именам, дело в атмосфере, «в

нравственном фонде семьи». Просветительство, насаждение в юных душах высокого, прекрасного через строго избранные образцы навсегда связано и для Федора Михайловича с образом его отца.

В конце жизни Ф. М. Достоевским разыскивается и хранится как святыня книга, по которой он учился грамоте; поразительна прошедшая через всю жизнь приверженность к книгам и писателям, на которых учился в семье. Он напишет Н. Н. Страхову: «И я возрос на Карамзине», — откликаясь на слова из страховской статьи: «Я воспитан на Карамзине... мой ум и вкус развивались на его сочинениях. Ему я обязан пробуждением своей души, первыми и высокими умственными наслаждениями». Советуя одному из своих корреспондентов в выборе книг для дочери и называя «Историю» Соловьева, Достоевский добавляет: «Хорошо не обойти Карамзина». Ему же рекомендует «великого писателя» Вальтера Скотта, отмечая с сожалением: «...тем более, что он забыт у нас». Далее он вспоминает, как двенадцати лет «прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими».

За всем этим прекрасным, бесконечно дорогим, унесенным с собою из родительского дома, стоял отец.

По мнению Л. П. Гроссмана, в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевский «развернул “некролог” своего отца в потрясающую эпопею греха, пороков и преступлений».

А вот что накануне создания «Братьев Карамазовых», посылая брату Андрею роман «Подросток», напишет сам Ф. М. Достоевский: «...идея неперменного и высшего стремления в лучшие люди (в буквальном, самом высшем смысле слова) была основной идеей и отца и матери наших несмотря на все уклонения. Однако никто из биографов не увидел связи этих слов со словами в «Дневнике писателя», напечатанными через несколько месяцев в октябрьском выпуске: «лучшие люди» — это

«те люди, без которых не живет и не стоит никакое общество и никакая нация, при самом даже широком равенстве прав».

«Спорное поле»

Вряд ли главным мотивом приобретения имения было для М. А. Достоевского социальное самоутверждение. Все видится проще, человечней. Сырая казенная квартира становилась тесной, дети проводили лето в больничном саду, у М. Ф. Достоевской появились первые признаки еще не опознанной чахотки, на пятом десятке нужно было подумать о своем доме.

Когда потомку древнего дворянского рода М. А. Достоевскому советовали хлопотать о дворянстве, «он с улыбкой отвечал, что он не принадлежит к породе Гусей». Умозаключение его сына Андрея, сообщающего этот факт: отец не хлопотал потому, что это «стоило бы больших денег», — опровергается и смыслом крыловской басни, и, вероятно, убеждением М. А. Достоевского, что дворянство должно быть заслужено. Оно и было заслужено в 1828 году.

К середине 1831 года (в 1830-м — эпидемия холеры!) М. А. Достоевский сторговал у коллежской асессорши О. А. Глаголевской два имения в Тульской губернии: Косая Губа Крапивенского уезда (запись о продаже — 29 июня; дан задаток в тысячу рублей ассигнациями) и сельцо Даровое Каширского уезда (приобретение зарегистрировано вчерне на имя М. Ф. Достоевской 7 августа, заплачено 29 тысяч рублей ассигнациями) были в одной цене и стоили вместе 58 тысяч ассигнациями. Два с половиной года Достоевские крепости на Даровое не имели, выплатили 30 тысяч, и Глаголевская ждет остальные 28 тысяч¹².

Покупкам предшествовал осмотр М. А. Достоевским своих будущих владений. Его непрактичность не замедлила сказаться и обернулась горем для семьи. Земля Дарового суглинистая, малоплодородная, истощенная («дурные наши поля», — признает позже он сам). Из восьми лет владения имением до смерти

---

¹² Рассказ об имущественных делах Достоевских основан на архивных документах, найденных автором.

М. А. Достоевского (1831—1839) семь лет в центральных губерниях — неурожайные. Нетрудно представить, чем мог порадовать истощенный суглинок своих владельцев.

Но была еще особенность земли сельца Даровое, куда более серьезная. На земле Достоевских стояло шесть крестьянских дворов, принадлежавших соседнему помещику П. П. Хотяинцеву. Собственно, они были деревней Даровой, в отличие от сельца Дарового, принадлежавшего М. Ф. Достоевской. За хотяинцевскими крестьянами было всего 45 десятин (по данным конца 40-х годов) земли, лоскутья которой, рассыпанные по земле Достоевских, самым прихотливым образом нещадно дробили ее. Необходимость заставила прежде всего разобраться с жестокой чересполосицей и избавиться от дворов соседних крестьян.

Обстоятельство это и воспрепятствовало своевременной выплате оставшейся суммы, а затем вынудило Достоевских вовсе отказаться от покупки Косой Губы и, вступив во владение Даровым, сразу же заложить их первое и пока единственное имение.

«К несчастью случилось так, — пишет А. М. Достоевский, — что вскоре... маменька принуждена была начать судебный иск о выселении из нашего сельца (Дарового. — Г. Ф.) двух-трех (шести. — Г. Ф.) крестьянских дворов, принадлежавших селу Моногарову, то есть Павлу Петровичу Хотяинцеву. Конечно, судебный иск со стороны маменьки возымел только тогда место, когда все личные словесные заявления... были отвергнуты Хотяинцевым. Иск маменьки взбесил окончательно Хотяинцева и он начал похваляться, что купит имение двоюродного брата, деревню Черемошню, и тогда будет держать в тисках Достоевских. Эти похвальбы... дошли до сведения моих родителей и очень встревожили их... так как все земли соседних имений не были размежеваны, а все были так называемые чересполосные».

Теперь во многих поступках Достоевских, уstraшенных соседом, видится подчинение воле сильного противника, и к зиме 1832 года покупка Черемошни кажется им необходимой.

3 марта 1832 года заложено Даровое (занято под залог 8000 рублей ассигнациями). 30 марта палатой московского гражданского суда велено «действие... о продаже имения (Косой Губы. — Г. Ф.) г. Глаголевской г. Достоевскому прекратить». 6 ап-

реля Глаголевская оформляет купчую с Е. Кусовой на Косую Губу, не возвратив М. А. Достоевскому задаток. На следующий день, 7 апреля, пожар истребляет заложенное Даровое — «всего тринадцать (вместе с тремя чужими. — Г. Ф.) крестьянских дворов с разным строением и имуществом хлебом и скотом и всего... на девять тысяч рублей».

Получено под залог 8 тысяч, сгорело заложенного на 9 тысяч. Исправник по форме доносил: «...в умышленном же поджоге погоревших дворов крестьян и вотчинных ни чаяния сомнения и подозрения... никакого не имеют, а полагают пожар случился от неосторожности при бывшем тогда ветре». Неумолимо следовавшая цепь событий (даты их называют архивные документы) невольно наводит на подозрение: устрашение соседей, месть за судебный спор могли приобрести «при бывшем тогда ветре» и такую жестокую форму.

«...отец и мать, — вспоминал спустя сорок лет Ф. М. Достоевский, — были люди небогатые и трудящиеся — и вот такой подарок к светлому дню!.. С первого страху вообразили, что полное разорение. Бросились на колена и стали молиться, мать плакала».

Года не прошло — к стоимости Дарового прибавились и долг по закладной, и цена сгоревшего («...дай бог с Даровой управиться в таком несчастном случае», — сетовала М. Ф. Достоевская). Оттянутая разными обстоятельствами, и прежде всего пожаром, покупка все же совершилась. 65 тысяч за два имения — на 6 тысяч больше общей стоимости Дарового с Косой Губой. К потрясению от случившегося прибавились долги.

Ведение хозяйства ложилось по согласию между супругами на М. Ф. Достоевскую. Было решено — с ранней весны она будет приезжать в деревню и там лично вести хозяйство: М. А. Достоевскому нельзя было оставлять свою службу. Судебный процесс с соседом велся в уездной Кашире и, помимо забот о восстановлении сгоревшего имения и налаживания их бедного хозяйства, также был предметом заботы М. Ф. Достоевской. Достоевские не были опытными в подобных делах; постоянно требовались советы со стороны, не составляло труда и обмануть их. Имели же дело они с противником характера незаурядного.

Участник кампании 1806—1807 и 1812—1814 годов, награжденный Владимиром 4-й степени с бантом за Бородино, золотой шпагой за Красное и Анной 2-го класса за Фер-Шампенуаз, П. П. Хотяинцев уволился по высочайшему указу «за болезнь» с награждением чином майора и с мундиром, возвратился в родовое имение, где и зажил «каширским помещиком», имея своих 125 и «приданственных» 245 душ. Он жил в своем родовом поместье постоянно, был известен не только в уезде, но и в губернии: в 1829—1831 годы избирался уездным депутатом в Тульское дворянское депутатское собрание, — располагал значительными связями. А Достоевские были пришлыми, да и помещица Достоевская приезжала только на лето. С присущим ему упорством М. А. Достоевский старался благоприобретенную землю очистить от чужой, пытался бороться за право единолично владеть своей, пока еще состоявшей в общем владении землей. О полюбовном разделе и речи не могло быть.

Материал судебного разбирательства о «спорном поле» утрачен. Контуры спора проступают из писем М. Ф. и М. А. Достоевских, сохранившихся, правда, как уже говорилось, не полностью.

В первом известном письме М. Ф. Достоевской мужу (июнь 1832 года), когда усадьба после пожара представлялась пустырем, она пишет о поездке в Каширский уездный суд, «будучи совершенно обескуражена своим делом». И дальше, судья «говорит что это еще неверно, и что в его разделе сказано глухо, а потому и можно надеяться, что вас (Достоевских. — Г. Ф.) удовлетворят... и ежели уж надобно будет чтоб один двор Х(отяинцева) остался в вашей усадбе, то по крайности с тем, чтоб перенести его куда вам будет угодно а не оставлять возле вашего гумна; я на это друг мой очень была согласна, чтоб совсем остаться безничего так лучше хоть на это решиться... я просила... списать с раздела (с раздела, исходившего от Хотяинцева. — Г. Ф.) копию а... раздел на четырех листах». Из двух дел, связанных со спором соседей о земле, «раздел» Хотяинцева уже в суде, и он может поставить погорельцев Достоевских в положение, при котором они не только могут оказаться «в тисках», но и «совсем остаться безничего». «...дело мое,— продолжает далее М. Ф. Достоевская, —

еще к нему (судье. — Г. Ф.) не прислано и он его еще хорошо не знает...». Судья обещает «зделать резолюцию по чистой совести не уклоняясь ни на чью сторону; в продчем он пожелал от всей души кончить дело в мою пользу» [Нечаева, 73—74].

М. А. Достоевский пишет жене в имение: «...узнаешь что-нибудь неприятное для нас нащет Черемошни, то советую прислать ко мне как можно поскорее нарочного» [1833 год; Нечаева, 78]. Или: «...на щет выдела 14 части матери Хотяинцевой... не забудь, что там сказано, что по случаю продажи имения Глаголевской она может ведаться формою суда, да поверх того сын покойного Ивана Петровича (брат П. П. Хотяинцева, прежний, до Глаголевской, владеец Дарового. — Г. Ф.) входит в сугубое родство с Павлом Петровичем, то я боюсь, что бы сие не послужило завязкою к дальнейшему процессу» (письмо от 19 августа злополучного 1835 года) [Нечаева, 112].

Добрая, легко верившая людям М. Ф. Достоевская, несмотря на обиду, сблизилась с семьей П. П. Хотяинцева по-приятельски. М. А. Достоевский, однако, приятельству Хотяинцева не доверяет, он пишет жене: «...радуюсь, что ты пиновала два дня с ряду у Хотяинцевых, дай бог вам мир и согласие, но я сомневаюсь, причина та, что сегодня... кварталный принес... Указ из Каширского земского суда... для оценки спорной земли между Хотяинцевым и тобою» [Нечаева, 107].

Суд, удовлетворивший Хотяинцева «выделом» части его матери, завершил его дело. Нет возможности определить степень действительно выигранного. Важно, что судебный спор о земле закончился в пользу Хотяинцева и он, несомненно, доволен очередной победой над Достоевскими. Земля их по-прежнему исполосована землей Хотяинцева, на ней продолжают стоять дворы его крестьян (в 1836 году пять дворов). Хотяинцев держит Достоевских в постоянной тревоге, и они боятся «дальнейшего процесса».

Давая в 1836 году в губернию сведения о своей земле, М. А. Достоевский писал: «сельцо Даровое... состоит в чересполосном владении» с землями П. П. Хотяинцева и более чем десяти других владельцев. Далее он отмечает: «Так как земля сельца Дарового и села Моногарова (принадлежавшего

П. П. Хотяинцеву, где был его господский дом. — Г. Ф.) формально не разделены, а состоят в общем владении с г-м Хотяинцевым и Достоевского, и до сих пор не поверены, то числа десятин с точностью определить не можно».

Составление этого печального документа приходится на месяц, когда в жестокой болезни окончательно слегла Мария Федоровна. Коллеги М. А. Достоевского признают: «Их старания тщетны... скоро произойдет печальный исход. Отец был убит окончательно», — сообщает А. М. Достоевский.

В «Бедных людях» находим отражение драматических событий 1837 года. И в описании смерти матери Вареньки, и в поведении старика Покровского при кончине сына: «Он поминутно входил в комнату; на него было страшно смотреть. Он был так убит горем, что казался совершенно бесчувственным и бессмысленным. Голова его тряслась от страха. Он сам весь дрожал и все что-то шептал про себя, о чем-то рассуждал сам с собою. Мне казалось, что он с ума сойдет с горя».

На скромном памятнике надворной советнице М. Ф. Достоевской начертано: «Другу милому, незабвенному, супруге нежной, матери попечительнейшей. Покойся милый прах до радостного утра!»

Кончина супруги младшего ординатора М. А. Достоевского совпадает с «почетным вниманием начальства», предложившего наконец повышение. Освобождалось место старшего ординатора; но сил уже нет: «Припадки, особенно зрение мое, от постигшего меня удара смертию жены моей, становится со дня на день худшим...» М. А. Достоевский просит увольнения «с мундиром» и, по скудному состоянию, «приличного пенсиона» — почти двадцатичетырехлетняя беспорочная служба дает уверенность...

На руках у М. А. Достоевского осталось семеро детей. В те же месяцы как-то вдруг осознается материальный кризис, дело не просто в бедности — предвидится разорение. Более ценное их имение, Даровое, заложено и перезаложено, теперь идет в залог Черемошня.

Родители давно задумывались над будущим старших — Михаила и Федора. К их литературным склонностям они не были равнодушны: с 1834 года братья учились в одном из лучших

пансионеров, славившемся «литературным уклоном». И в том, что после его окончания братья Достоевские должны были бы поступить в Московский университет, у нас не может быть сомнений.

Дальнейшее предопределили и кончина матери, и нужда. В последние месяцы жизни Марии Федоровны решили они с мужем, прервав обучение в пансионе Михаила и Федора, сделать попытку определить их в Главное инженерное училище в Петербурге. М. А. Достоевский отвозит старших сыновей в Петербург. Варвара, Андрей, Вера продолжают обучение в Москве, а сам он с младшими — Николаем и Александрой — переезжает в Даровое. С отставкой и переездом М. А. Достоевский лишился не только значительного оклада, но и гонораров как известный врач в Москве. Правда, и здесь он не оставил своей профессии, лечил крестьян и окрестных помещиков, сделав горничную Акулину своей помощницей.

Тоска по умершей жене велика: «...вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой, и отвечая себе ее обычными словами»; в жестоких приступах отчаяния он «стонал, бегал по комнате и даже бился головой об стену».

Усилия наладить хозяйство в заложенном и перезаложенном имении оказались тщетными — еще два года подряд неурожайные, и вся надежда теперь только на жалкий клочок земли («спорное поле»), вобравший усилия всей его трудовой жизни, единственное достояние его и сыновей, все еще изрезанный чересплосицей. «Застарелые болезненные припадки» требовали лечения, но, проживая в двенадцати верстах от Зарайска, он не всегда мог обратиться к городскому лекарю и часто довольствовался лишь помощью фельдшера.

Осенью того же злополучного 1837 года решалась в Петербурге судьба Михаила и Федора. Михаила в инженерное училище не приняли, а Федора приняли, но не на казенный счет. Срочно нужны 950 рублей. Деньги внес их дядя — А. А. Куманин. Через несколько месяцев братья надолго разлучатся. Кондуктор С.-Петербургской инженерной команды М. М. Достоевский будет переведен в Ревель, а кондуктор 1-го класса Главного инженерного училища Ф. М. Достоевский останется в Петербурге один.

Сын Андрей определен отцом в пансион Л. И. Чермака, а весной 1838 года уедут из Дарового учиться в Москву Варвара и Вера. С отцом и нянькой останутся лишь малыши — Николай и Александра. Одинокество М. А. Достоевского сыграет свою роль в его злосчастной судьбе.

Овдовевши, сообщает А. М. Достоевский, «отец увидел себя закупоренным в две-три комнаты деревенского помещения без всякого общества... По рассказам няни он... понемногу начал злоупотреблять спиртными напитками. В это время он приблизил к себе бывшую у нас в услужении еще в Москве девушку Катерину. При его летах и в его положении, кто особенно осудит его за это?!» В. С. Нечаева пишет: «При всем нежелании нашем сгущать краски и рисовать какие-либо «оргии» (?! — Г. Ф.), происходящие в убогом домике даровского помещика, мы должны в самых мрачных тонах представить себе этот период его жизни» И далее: «В 1838 году у Катерины родился ребенок, который значится в церковной ведомости как “сын ее незаконнорожденный Симеон 3 мес.”. В следующем, 1839 году Симеона в списках более нет, что, конечно, означает его скорую смерть» [Нечаева, 57—58].

Исследователь, по существу, ничего не зная об этой связи, видит в ней насилие, аморальность; но ведь возможно увидеть и любовь — жалость к несчастному в бедах своих, и прежде всего в своем одиночестве, человеку.

В переписке с детьми М. А. Достоевский — прежде всего отец, в тревогах и заботах о детях стремящийся в своих тяжелых из-за бедности и болезни обстоятельствах поделиться с ними последним. Еще жива семья, покуда жив он. А «наши соколы», как он однажды назвал сыновей в письме жене, разлетелись, и каждому нужна его помощь. В письмах сыновей, прежде всего Федора, находившегося в военном училище, в условиях особенно трудных, постоянна просьба о деньгах.

Характерны слова младшего сына, Андрея, из неопубликованного письма: «Почтенный Леонтий Иванович (Чермак. — Г. Ф.) не чуть не напоминает об деньгах, он как будто и позабыл... знает нашу нужду в них».

Но вот приходит известие от сына Федора — он оставлен на второй год («...имел личные неприятности» с учителями, как объяснил он причину в письме). Он пишет: «Не огорчайтесь, папенька! Что же делать! Пожалейте самих себя. Взгляните на бедное семейство наше; на бедных малюток братьев и сестер наших, которые живут только Вашею жизнью, ищут только в Вас подпоры... Вы до того любите нас, что не хотите видеть никакой неудачи в судьбе нашей». За письмом отцу он пишет письмо брату Михаилу, заканчивающееся словами: «Мне жаль бедного отца! Странный характер. Ах, сколько несчастий перенес он! Горько до слез, что нечем его утешить. — А знаешь ли? Папенька совершенно не знает света: прожил в нем 50 лет и остался при своем мнении о людях, какое он имел 30 лет назад».

В письме дочери Варе М. А. Достоевский сообщал: «Я уведомлял тебя о моем нездоровье, которое со дня на день делалось худшим, и наконец совершенно положило меня в постель. Тебе известно, что я по летам моим, а более по неприятностям жизни привык отворять кровь, но как в Зарайске нет хорошего фельдшера, то из опасения, чтобы он мне не испортил руки, я зделал большую просрочку, болезнь со дня на день делалась худшею, к нещастию в это самое время я получил от брата твоего, Феденьки письмо (об оставлении его на второй год. — Г. Ф.)... это меня, при болезненном состоянии, до того огорчило, что привело в совершенное изнеможение, левая сторона тела начала неметь, голова начала кружиться; тут я призвал Бога на помощь, послал за фельдшером... Помню только, как во сне, Сашинькин (младшей дочери. — Г. Ф.) плач, что папинька умер.— Я жив, да и удивительно ли, жизнь моя закалена в горниле бедствий» (Нечаева, 119—120). Сын Михаил писал отцу: «Папинька, милый папинька! Зачем вы так много горюете о брате (Федоре. — Г. Ф.) ... Папинька! Кто не терпел на своем веку несправедливостей и огорчений? Я думаю, вы сами тому можете служить примером».

Пять месяцев спустя М. А. Достоевский испытывает еще одно потрясение.

От сына долго нет писем, наконец в пятом (от 23 марта), единственном дошедшем за это время до отца, письме Федор

писал об «ужаснейшей истории», случившейся в училище, и о том, что «задолжал кругом и очень много»: «Спасите меня. Пришлите мне 60 р. (50 р. долга, 10 для моих расходов до лагеря). Скоро в лагери, и опять новые нужды». И в постскриптуме: «Мое предположение держать экзамен в высший (верхний офицерский. — Г. Ф.) класс очень занимает меня. Я могу выдержать. Но для этого надобны деньги. Ежели Вы мне можете прислать 100 р., то я буду экзаменоваться. Ежели же нет, то год лишний. Это для Вас, любезнейший папенька: мне же все равно». Отец, переживая невзгоды сына Федора, куда более тяжелые, чем Михаила и Андрея, не мог не порадоваться возможному «скачку» сына в «высший класс». Вместо просимых 60 он посылает 75, составляющие с лажем 94 рубля 50 копеек.

К маю 1839 года относятся два наиболее откровенных письма Федора отцу.

5 мая: «Пишете, любезнейший папенька, что сами не при деньгах и что уже будете не в состоянии прислать мне хоть что-нибудь к лагерям. Дети, понимающие отношения своих родителей, должны сами разделять с ними все радость и горе: нужду родителей должны вполне нести дети. Я не буду требовать от Вас многого. Что же; не пив чаю, не умрешь с голода».

10 мая: «Милый, добрый Родитель мой! Неужели Вы можете думать, что сын Ваш, прося от Вас денежной помощи, просит у Вас лишнего. Бог свидетель ежели я хочу сделать Вам хоть какое бы то ни было лишение, не только из моих выгод, но даже из необходимости... Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего теперешнего общества. К чему же делать исключенья собою?»

Напомним слова жившего «в одном с ним лагере» П. П. Семенова-Тян-Шанского: «...не с действительной нуждою он (Ф. Достоевский. — Г. Ф.) боролся, а с несоответствием своих средств, даже не с действительными потребностями, а нередко с психопатическими запросами его болезненной воли; вот хотя бы, например, его запросы отцу на лагерные расходы... все это было не действительной потребностью, а делалось просто для того, чтобы не отстать от других товарищей... В нашем более богатом, аристократическом заведении мои товарищи тратили в

среднем рублей триста на лагерь, а были и такие, которых траты доходили до 3000 рублей».

Отец отвечал: «Друг мой! роптать на отца за то, что он тебе прислал сколько позволяли средства, предосудительно и даже грешно. Вспомни, что я писал третьего года к вам обоим (Михаилу и Федору в Петербург. — Г. Ф.), что урожай хлеба дурной, прошлого года писал тоже, что озимого хлеба совсем ничего не уродилось. Теперь пишу тебе, что за нынешним летом последует решительное и конечное расстройство нашего состояния» [Нечаева, 121].

Записки агронома, жившего поблизости от Дарового, расширяют картину бедственного лета. Жара в тени доходила до 40 градусов, единственным питанием медленно поднимавшихся хлебов были сильные ночные росы. Земля потрескалась, почва высохла, и «верхний слой вершков пять составлял порошок, совершенно схожий с золою», хлеба росли в «пепеловидном порошке, в знойной атмосфере тропиков».

Нетрудно увидеть в этом пространстве беды немощного, больного человека, понимающего: это конец. М. А. Достоевский писал еще в мае сыну Федору в уже цитированном письме, ставшем последним: «Снег лежал до мая месяца... кормить скот чем-нибудь надобно было. Крыши все обнажены для корму. Но это ничто в сравнении с настоящим бедствием... Жара, ветры ужасные все погубили. Озимые поля черны, как будто и не были сеяны; много нив перепахано и засеяно овсом, но это по-видимому не поможет, ибо от сильной засухи, хотя уже конец мая, но всходов еще не видно. Это угрожает не только разорением, но и совершенным голодом!» [Нечаева, 121].

16 июня из Каширы доносят тульскому гражданскому губернатору о скоропостижной смерти 6 июня в поле от апоплексического удара помещика М. А. Достоевского¹³. Архивный документ называет день кончины М. А. Достоевского, день, который не

---

¹³ Краткий обзор обнаруженных мною архивных материалов судебного разбирательства по делу о скоропостижной смерти М. А. Достоевского см.: Литературная газета. № 25. 1975. Там же впервые напечатано «Донесение губернатору».

был известен его сыну Андрею, картинно, правда с чужих слов, поведавшему в «Воспоминаниях» об убийстве, которого, как я постараюсь доказать, не было.

Спор о судьбе и смерти отца Ф. М. Достоевского начался сразу после кончины писателя. Противоречивые сведения, исходившие, с одной стороны, от сына, Андрея Михайловича, с другой — от «некоторых родственников» (его сестер), сойдутся в главном: убийстве их отца крепостными.

В 1920 году в Мюнхене дочь писателя Любовь Федоровна обнародовала в своих воспоминаниях версию этих событий, полученную ею через теток (сестер отца) от старшей родни со стороны матери, прежде всего неродной их «бабиньки» О. Я. Нечаевой. Позднее эта версия ляжет в основу работы З. Фрейда («Достоевский и отцеубийство»), его учеников (И. Нейфельд) и более поздних зарубежных исследователей (Д. Арбан).

Мемуары Л. Ф. Достоевской, работы З. Фрейда, И. Нейфельд с 1920-х годов определяют генеральную линию в отношении к образу отца писателя такого знатока биографии Достоевского, как Л. П. Гроссман. Но справедливость обязывает: еще до появления знаменитой работы Фрейда (1928) В. С. Нечаева в 1926 году опубликовала очерк о своей поездке (совместно с М. В. Волоцким) в бывшее имение Достоевских сельцо Даровое. Рассказы крестьян «неопровержимо» трактовали трагическое событие 6 июня 1839 года в описанном духе. Тогда, в 1926 году, не обратили внимания на то, что крестьянин из Черемошни опровергал факт убийства, о котором охотно рассказывали даровские. Убивали-то, как считалось, черемошнинские.

Когда уже стариком А. М. Достоевский писал свои «Воспоминания», он записывал все, что помнилось ему из некогда слышанного. Но и его, написавшего, что отца убивали пятнадцать человек, заставлял задумываться тот или иной поворот сюжета: почему, например, убийц скрыли¹⁴.

---

¹⁴ См. Нечаева. С. 60: «Отметим, что для автора “Воспоминаний”, во время его работы над ними, оставался непонятен факт скрытия убийства. В черновиках А. М. Достоевского мы нашли следующий отрывок, неясно написанный и перечеркнутый: “Причины смерти отца... Скры-

Легенда о насильственной кончине М. А. Достоевского оставалась общепризнанной, пока в 1975 году не были обнаружены архивные документы, до тех пор неизвестные исследователям. В свете этих новых сведений все события начиная с 6 июня кратко выглядят так¹⁵.

Утром последнего дня М. А. Достоевский наблюдал за работой черемошнинских крестьян, возивших в поле навоз. Раздраженный нерасторопностью крепостных, он стал кричать на них (его крик, слышанный другими крестьянами, окажется единственной уликой, потребовавшей пристального разбирательства). Вспыльчивость М. А. Достоевского к концу жизни обострялась болезнью и безвыходностью положения; приступы мучили часто, теперь же случился кризис. Умер он не сразу.

Кроме священника, к М. А. Достоевскому привезли и... доктора. Зачем же, если совершено насилие, спешно из ближайшего Зарайска (двенадцать верст!) привозится доктор? Причем чиновник другой, Рязанской, губернии, он не имеет права дать официального заключения о смерти, а между тем сколько писалось о подкупе ради сокрытия убийства. Не лучше ли при таком-то деле ждать уездных властей из Каширы (пятьдесят верст!) Жара — труп разложится, сложнее опознать причину смерти. Ответ видится только один: Достоевскому хотели помочь — думали, случился очередной приступ. Из Зарайска привезли городского врача И. Х. Шенрока¹⁶, который констатировал смерть от апоплексического удара и распорядился труп оставить в поле до прибытия властей. Врачам предписывалось: «До официального осмотра... нужно стараться, чтобы тело, как предмет судебного исследования, оставалось на том же месте и в том же положении, в котором человек умер». С телом Достоевского так и поступили.

Вероятно, приехавшее из Каширы 8 июня (труп пролежал в поле два дня) «временное отделение»: исправник Н. П. Елагин,

---

ли. Почему скрыли... Почему не возбуждали (два слова не разобр.). Так и остались убийцы без наказания"...»

¹⁵ Не имея возможности сослаться на многочисленные архивные источники, оговариваю лишь цитаты следственных дел.

¹⁶ Отец известного биографа Н. В. Гоголя.

лекарь Х. Шенкнехт, становой пристав, стряпчий, — пробыло, расследуя обстоятельства смерти в поле («тщательные изыскания», как будет сказано в материалах следствия), несколько дней в Даровом. Шенкнехт сделал официальное медицинское заключение, совпавшее с заключением Шенрока.

16 июня послано донесение губернатору, в котором особо отмечалось отсутствие «сомнения и подозрения» в насильственной смерти¹⁷.

Не дожидаясь родных из Москвы (труп сильно разложился), М. А. Достоевского похоронили на погосте Духосошестввенской церкви хотяинцевского Моногарова.

Приехавшую в Даровое забрать внучат Николая и Александру неродную «бабиньку» О. Я. Нечаеву после посещения могилы М. А. Достоевского зазвали к Хотяинцевым (их знакомство относится еще к 1835 году), вот тут-то П. П. Хотяинцев посвятил О. Я. Нечаеву в тайну смерти М. А. Достоевского — убийство, но «возбуждать дела как ей, так и «кому-либо из ближайших родственников» не советовал. Причины выставлялись следующие: отца детям не воротишь и «виновное “временное отделение” не даст себя изловить; по всей вероятности и второе переосвидетельствование трупа (А. М. Достоевский сообщал хотяинцевские «соображения» со слов старших, да, вероятно, и сам Хотяинцев не знал, что освидетельствование Шенкнехта, врача «временного отделения», есть второе, после Шенрока. — Г. Ф.) привело бы к тем же лживым результатам», если же допустить, что «дело об убийении отца и раскрылось бы... то следствием этого было бы окончательное разорение» детей покойного, «так как все почти мужское население... Черемошни было бы сослано на каторгу».

Итак, П. П. Хотяинцевым, старинным «доброжелателем» Достоевских, рекомендуется дело об убийстве «не возбуждать»: «виновное “временное отделение”», и прежде всего главу его — Н. П. Елагина, не уличишь, а наследников разоришь.

Между тем со вступлением 1 декабря 1838 года в должность тульского губернатора А. Е. Аверкиева чиновники всех уездов, и

---

¹⁷ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Ед. хр. 15246. Л. 35—35 об.

в том числе Каширского, ждали первой ревизии нового начальника губернии. Трудно предположить, что при этих обстоятельствах каширский исправник Н. П. Елагин стал бы скрывать убийство помещика крепостными, рискуя всей своей карьерой.

2 июля Аверкиев передает управление губернией вице-губернатору и едет ревизовать уезды. 6-го П. П. Хотяинцев через подставное лицо (что в случае неудачи избавляло его от обвинений в клевете) сообщает в каширский уездный суд об убийстве помещика Достоевского его крестьянами. (Не исключено, что у Хотяинцева были свои счеты с уездным исправником, а время для удара он выбрать умел — вспомним пожар Дарового.) Теперь перед предстоящей ревизией суду необходимо вновь подтвердить свое первое заключение о ненасильственной смерти М. А. Достоевского. Казалось бы, исправник должен быть устрашен. Но начинается новый круг расследований, которые осложняются многими обстоятельствами, определявшимися все тем же Хотяинцевым. В ходе доследования выясняется главное: слухи об убийстве исходят от Хотяинцева. Мы можем только гадать о мотивах, заставивших его нарушить уговор с О. Я. Нечаевой, которой он ранее советовал «не возбуждать» дело. Во всяком случае, его не смущало то, что от его доноса пострадают наследники и невинные крестьяне (благо последние не имеют хозяина: опека еще не определила его).

Завершить новое следствие к приезду губернатора суду не удалось. Из представленных отчетов следовало: поступившие с 1 января по 14 октября 1839 года 49 уголовных дел решены. Лишь одно дело «за самим присутственным местом» (каширским уездным судом. — Г. Ф.) осталось нерешенным, «о умершем... Достоевском»¹⁸. Через четыре месяца губернатору вновь пришлось встретиться с «делом Достоевского», объявленным из-за навета уголовным. Убийство крепостными помещика в условиях «необыкновенного бедствия: пожаров и волнения народного... ряда происшествий дотоле беспремерных» должно было вызвать внимание особое. Нелишне отметить, что тульский губернатор А. Е. Аверкиев в 20—30-х годах служил губернским про-

¹⁸ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Ед. хр. 15192. Л. 17, 18.

курором. После окончания ревизии Аверкиев доносил императору: «По замеченному мною особенному усердию к службе г. исправника Елагина... и найденный мною примерный порядок по земскому суду, я считаю обязанностью изъявить ему благодарность»¹⁹.

Хотяинцеву не удалось засудить крестьян соседа и тем окончательно разорить детей человека, отважившегося начать с ним судебный процесс о земле, продолжавшийся до 1847 года. Доследование же каширским земским судом по делу о кончине М. А. Достоевского, с проверкой хода дела тульскими судебными инстанциями, продолжится еще год. Тщательное расследование спасло крестьян от Сибири.

Но дело свое Хотяинцев совершил: его клевета дала не предвиденный им самим результат. О. Я. Нечаева привезла в московский дом А. А. и А. Ф. Куманиных, именитой своей родни, у которых жила сама, «тайну», поведенную ей Хотяинцевым. Начались пересуды, родственное подведение итогов жизни покойного. В недоброжелательной к нему куманинской среде возник посмертный образ, который и был воспринят младшими Достоевскими, воспитывавшимися после смерти отца у Куманиных. Родного отца они фактически не знали.

Запрос из Каширы весной 1840 года, не имеет ли московская родня на кого подозрения, еще более утвердил родственников в истинности сообщенного Хотяинцевым и переданного О. Я. Нечаевой. Только эту версию и мог знать А. М. Достоевский, уехавший из Москвы в 1841 году. Именно эту версию он и сообщает в своих «Воспоминаниях», написанных в 70—90-х годах и обнаруживающих его крайнюю неосведомленность в данном деле. Так, он утверждает, что подкупленное «временное отделение» скрыло дело, ничего не зная о длившемся почти полтора года следствии и истинной причине долгого доследования. Знание фактов заменяется у А. М. Достоевского «картинностью» рассказа о смерти отца — с такими подробностями, какие могли быть известны только свидетелю происшествия:

---

¹⁹ Там же. Оп. 20. Ед. хр. 15504. Л. 102. А также «Тульские губернские ведомости». 1839. № 47. С. 264. Эти источники указаны замечательным знатоком истории Тульского края В. И. Крутиковым.

«Ребята, карачун ему!.. — и с этим возгласом все крестьяне (хотяинцевское: «почти все». — Г. Ф.)... кинулись на отца и в одно мгновение, конечно, покончили с ним... Как стая коршунов, наехало из Каширы... временное отделение. Первым его делом, конечно, было разъяснить, сколько мужики могут дать за сокрытие этого преступления».

Кто это рассказывает — очевидец, бывший в те дни в Даровом? Нет, рассказывает старик, а было ему тогда четырнадцать лет, и жил он при московском пансионе, весть до него дошла, пройдя через множество уст и отлившись в версию, сформированную в недоброй к памяти его отца среде.

После смерти М. Ф. Достоевской опекуном над сельцом Даровым и ее наследниками, ее детьми, стал ее супруг М. А. Достоевский. С его смертью Каширская дворянская опека должна была выбрать опекуна. Предложение опекуновать было послано в Ревель М. М. Достоевскому, старшему сыну покойного, когда уже началось следствие.

Брат Федор писал ему: «Дай-то бог, чтобы ты был в Москве; тогда об семействе нашем я бы был покойнее; но скажи, пожалуйста, есть ли в мире несчастнее наших бедных братьев и сестер? Меня убивает мысль, что они на чужих руках будут воспитаны. А потому мысль твоя, получивши офицерский чин, ехать жить в деревню, по-моему, превосходна... Кости родителей наших уснут тогда спокойно в сырой земле...»

М. М. Достоевский опекуном стать отказался, и тогда Елагин был вынужден некоторое время присматривать за беспризорным имением Достоевских.

Но вот с 6 октября 1841 года Михаил Михайлович, служивший в Ревеле, находится «в отпуске по домашним обстоятельствам» и едет в Москву, а затем в Даровое.

Год как закончилось шестнадцатимесячное следствие о «скоропостижно умершем» М. А. Достоевском и оклеветанные крестьяне оправданы. Находясь в Даровом, М. М. Достоевский наверняка встречался с Хотяинцевым и мог услышать от него версию об убийстве. Но на обратном пути в Ревель, захав в Петербург, он привез брату Федору не только версию Хотяинцева, но и известие о долгом следствии, признавшем невиновность кре-

стьян. И утверждать, что Ф. М. Достоевский знал лишь хотяинцевскую версию, у нас нет оснований.

Укажем на один эпизод из неоконченного романа «Неточка Незванова», начало работы над которым относится к 1846 году, замысел — ко времени более раннему. На Ефимова, отчима героини, подан донос, обвиняющий его в смерти своего учителя-итальянца: «ничто не могло поколебать доносчика в его намерении. Ему представляли, что медицинское следствие над телом покойного капельмейстера было сделано правильно, что доносчик идет против очевидности, может быть, по личной злобе и по досаде», но доносчик «стоял на своем, божился, что он прав, доказывал, что апоплексический удар произошел не от пьянства, а от отравы, и требовал следствия в другой раз» (итальянец умер скоропостижно, труп его был найден во рву), «нарядили следствие и вышло, что он умер от апоплексического удара». «С первого взгляда доказательства его показались серьезными. Разумеется, делу дали ход... Началось дело, которое заинтересовало всю губернию. Оно пошло очень быстро и кончилось тем, что музыкант был уличен в ложном доносе... но он до конца стоял на своем и уверял, что он прав. Наконец он сознался, что не имеет никаких доказательств, что доказательства, им представленные, выдуманы им самим, но что, выдумывая все это, он действовал по предположению, по догадке (и Хотяинцев тоже мог бы сказать: смерть в поле, среди мужиков, его крик на них разве не повод для подозрения? — Г. Ф.), потому что до сей поры, когда уже было произведено другое следствие, когда уже формально была доказана невинность Ефимова».

На совпадение этого эпизода с материалами доноса и нового следствия, опубликованными мною в 1975 году, обратила внимание в своей последней книге и В. С. Нечаева. Можно с достаточной уверенностью предположить, что Ф. М. Достоевскому после поездки брата в их имение стало известно все — от доноса до оправдания крестьян.

Известие о скоропостижной смерти отца потрясло Ф. М. Достоевского. И память об этом потрясении жила всю жизнь. Ему отец адресовал свое последнее письмо, в котором сообщал о неизбежном близящемся разорении. «Прощай, мой милый друг, да

благословит тебя господь Бог, что желает тебе нежно любящий отец М. Достоевский» — таковы были последние слова, обращенные к сыну [Нечаева, 122].

Получив печальную весть, старший сын Михаил писал сестре Вареньке: «Ты потеряла лучшего друга и нежнейшего из отцов!»²⁰

Сюжет об убийстве помещика («отца убили», Альфонский задурил в деревне, его, кажется, убили крестьяне) войдет в творческий фонд художника, хотя «Роман о помещике» остался среди многих неосуществленных замыслов.

Возможно предположение: трагический сюжет — «отца убили», — навеянный переживаниями в связи с дознанием о кончине М. А. Достоевского, требовал мотивировки. В романе смерть должна была прийти как возмездие. Так, в набросках к «Житию великого грешника» причина убийства Альфонского не только в том, что он «задурил» в деревне. Вся недостойная жизнь отца героя в этой «поэме» проходила под знаком будущих слов Дмитрия Карамазова: «Зачем живет такой человек?» И когда на ка-торге Достоевский узнает историю невинно осужденного «отцеубийцы» Д. Ильинского, материал «случайного семейства» Альфонских получит сюжетный ход, драматическое завершение. Что касается жизни М. А. Достоевского, то она не могла послужить его сыну материалом для такого рода мотивировки.

В июле 1877 года Достоевский посетил родительское имение Даровое. В «Дневнике писателя» есть знаменитые строки о поездке. Главка называется «Разговор мой с одним московским знакомым...». «Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, — пишет Ф. М. Достоевский, — но все никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями.

— Вот у вас есть такие воспоминания и такие места... Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний

---

²⁰ Исследователи обычно проходят мимо этих слов старшего сына, Михаила, а ведь они приведены в примечаниях к «Воспоминаниям» Андрея Михайловича Достоевского, вышедшим в 1930 году (С. 414).

детства, не может и жить человек. Иной, по-видимому, о том и не думает, а все-таки эти воспоминания бессознательно да сохраняет. Воспоминания эти могут быть даже тяжелые, горькие, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святыню для души».

А. Г. Достоевская пишет: «Поездка в Даровое доставила много воспоминаний, о которых муж по приезде передал нам с большим оживлением. Родные его рассказывали мне потом, что в свой приезд муж мой посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминанию, и даже сходил пешком (версты две от усадьбы) в любимую им в детстве рощу Черемошню...»

В той стороне, в поле, почти четыре десятилетия тому назад не стало отца.

Возможно ли, чтобы сын не поклонился в первый (и единственный) раз могиле отца на моногаровском погосте, отмеченной камнем «без всякой надписи» (родные устыдились высечь на камне имя «убиенного», дабы позор не лег на них)?

Известна роль посещения Опдиной пустыни в творческом становлении «Братьев Карамазовых». Но годом раньше поездка в Даровое так же существенна в развитии замысла последнего романа. Особое значение приобретают слова Достоевского из письма жене: «Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю! Но довольно, обо всем переговорим». Не переговорили.

В эпилоге «Братьев Карамазовых» в своей речи после похорон Илюши Алеша Карамазов произносит слова, в которых узнаются не только строки «Жития Зосимы» (а в начале «Жития» — реалии детства Ф. М. Достоевского), но и слова, сказанные Достоевским после посещения родительской земли: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома».